

ния феодального уклада русской и украинской жизни XVII—XVIII веков, препятствовал обращению к этому жанру. Лишь позднее, в спектаклях труппы Кунста—Фюрста встречаются комедии, полностью отвечающие приведенным выше определениям школьных пиитки.

Выше было показано, что в начале XVIII века (например, в театре Натальи Алексеевны) как характер репертуара, так и театральная терминология в общем остались без изменений; это и понятно, так как театр и литература отставали от более быстрых изменений в быту высших сословий тогдашнего общества. Впрочем, в одном из официальных документов, перечислявших наличные тексты драматических произведений той поры, находятся указания на две „комедии“, приписываемые подьячему Семену Смирнову и озаглавленные „О Тенере, Лизетинном отце, винопродавце“ и „О Тонвуртине, старом шляхтиче, с дочерью“; в подзаголовках „комедии“ эти названы „перечневыми“ и „шутовскими“.¹ Эти определения в театроведческой литературе некоторые авторы представляют как новый шаг в развитии русской театральной терминологии. Однако это неверно.

Прилагательное „шутовская“ не требует никаких особых разъяснений: очевидно, оно означает наличие в комедии фигуры шута, а также общий комический характер пьесы. Сложнее обстоит с термином „перечневая“. В научной литературе установилось мнение, что „перечневыми“ комедии эти названы потому, что они состояли не из текста, а из сценария, „перечня“ пьесы, которая, таким образом, была якобы импровизованной, вроде итальянской „комедии масок“. В защиту такого толкования термина говорит то обстоятельство, что позднее, в царствование Анны Иоанновны, в 1730-х годах, сценарии итальянских импровизированных комедий носили название „перечней“, а сами комедии назывались „перечневыми“. Но правильно ли на основании поздних терминов делать заключение о содержании терминов более раннего времени? Можно ли, не имея никаких доказательств того, что в России в конце XVII—начале XVIII века, были такие прекрасно сыгравшиеся труппы, которые могли проводить импровизованные спектакли, — можно ли предположить, что сценарии, находившиеся у Семена Смирнова, писались „вообще“, а не для конкретного исполнения? Не проще ли понять слова „перечневая комедия“ как указание на то, что среди текстов пьес, перечисленных в известном документе, находились и „перечни“ „комедий“, а не самые „комедии“.

„Лексикон трезязычный“ Ф. Поликарпова слово „перечень“ переводит греческим и латинским словом „synopsis“ („обозрение“, „обзор“) и еще латинским „compendium“ („сокращение“); кроме того, там приведено выражение „перечнем перечневаго“ с добавлением „зри сокра-

¹ Список пьес, в котором указаны „перечневые“ и „шутовские“ комедии „О Тенере, Лизеттине отце, винопродавце“ и „О Тонвуртине, старом шляхтиче, с дочерью“, напечатан в кн.: П. О. Морозов. История русского театра. СПб., 1889, стр. 264, примеч. 1. Однако текст у Морозова воспроизведен неточно. В строке 10 должно быть „у Семена Смирнова“, а не „Семена Смирнова“, как напечатано у Морозова. Документ этот находится в настоящее время в ЦГАДА (Москва), в фонде Посольского приказа в „Комедиантских делах“ (ф. 114, дело № 31). Из слов „у Семена Смирнова“ можно заключить только, что перечисленные две „шутовские комедии“ находились у Семена Смирнова, бывшего в это время уже не актером, а подьячим Посольского приказа (П. О. Морозов, ук. соч., стр. 228, примеч. 1); делать из этого вывод, что Смирнов был автором, кажется мне, нет оснований. Во-первых, обе комедии идут под №№ 9 и 10 в списке переведенных комедий; во-вторых, то обстоятельство, что обе комедии были изготовлены в трех экземплярах, говорит скорее о том, что у Смирнова они были именно в переписке и, вероятно, как не сверенные еще не возвращены в Посольский приказ.